

Вальтер
Беньямин

МОСКОВСКИЙ
ДНЕВНИК

Ad Marginem

Вальтер Беньямин

Московский дневник

«Ад Маргинем Пресс»

2012

Беньямин В.

Московский дневник / В. Беньямин — «Ад Маргинем Пресс», 2012

ISBN 978-5-91103-126-8

Вальтер Беньямин (1892–1940) – фигура примечательная даже для необычайного разнообразия немецкой интеллектуальной культуры XX века. Начав с исследований, посвященных немецкому романтизму, Гёте и театру эпохи барокко, он занялся затем поисками закономерностей развития культуры, стремясь идти от конкретных, осязаемых явлений человеческой жизни, нередко совершенно простых и обыденных. Комедии Чаплина, детские книги, бульварные газеты, старые фотографии или парижские пассажи – все становилось у него поводом для размышлений о том, как устроена культура. Его исследования о литературе – о Бодлере, Кафке, Прусте, Лескове – оказывались неизмеримо шире традиционного литературоведения. Беспокойная натура привела Вальтера Беньямина зимой 1926–1927 года в Москву, встреча с которой сыграла важную роль в его судьбе.

ISBN 978-5-91103-126-8

© Беньямин В., 2012

© Ад Маргинем Пресс, 2012

Содержание

Гершом Шолем Предисловие[1]	6
Вальтер Бенъямин. Московский дневник	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22
Комментарии	

Вальтер Беньямин

Московский дневник

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Центра современной культуры «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

Издательство выражает признательность Павлу Владьевичу Хорошилову за подбор фотоматериалов к настоящему изданию

Примечания

Ссылки на немецкие тексты В. Беньямина даются по изданию: *Benjamin W. Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1972–1989* (сокращенное обозначение *GS* с указанием тома и страницы). Ссылки на русские тексты В. Беньямина даются по изданию: *Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избр. эссе. М.: Медиум, 1996* (сокращенное обозначение *БИЭ* с указанием страницы).

Гершом Шолем Предисловие¹

Московский дневник Бенъямина, посвященный его двухмесячному пребыванию в Москве с 6 декабря 1926-го по конец января 1927 года, представляет собой, насколько позволяет судить мое знакомство с его архивом, явление уникальное.

Вне всяких сомнений, это наиболее личный, полностью и безжалостно откровенный документ, рассказывающий нам о важном периоде его жизни. С ним не может сравниться ни одна из его прочих попыток дневниковых записей, которые ни разу не пошли дальше нескольких страниц, даже записки очень личного характера, сделанные им в 1932 году, когда он подумывал о самоубийстве.

Перед нами предстает законченное повествование о событиях, очень значимых для Бенъямина, повествование совершенно бесцензурное, что значит прежде всего: свободное от внутренней цензуры. Все до сих пор известные, сохранившиеся письма дают изложение под определенной тенденцией, в зависимости от адресата. Во всех письмах отсутствует то измерение, которое как раз и содержится и раскрывается в этих бескомпромиссно честных беседах с самим собой и самооценках. Только здесь проговариваются вещи, которых не найти ни в одном из его письменных высказываний. Разумеется, порой, например в сделанных по тому или иному случаю афористических намеках, можно встретить нечто подобное, однако в очень осторожном, «отфильтрованном» виде, прошедшем самоцензуру.

В дневнике же это представлено во всей полноте, в подлинном непосредственном контексте, о котором по тем немногим письмам, что он отправил из Москвы – одно мне и одно Юле Радт, – нельзя было и догадываться.

Три момента были значимы для поездки Бенъямина в Москву. В первую очередь – его страсть к Асе Лацис, затем – желание поближе познакомиться с ситуацией в России, возможно, в какой-либо форме даже закрепиться там и в связи с этим принять решение о том, вступать ли ему в Коммунистическую партию Германии, о чем он размышлял уже в течение двух лет. Наконец, определенную роль играло и то обстоятельство, что он еще до поездки получил задания от редакций, так что ему приходилось размышлять о городе и жизни в нем, чтобы составить некий «портрет» Москвы. Ведь его пребывание в Москве отчасти финансировалось за счет авансов, полученных в счет статей, которые он должен был привезти из поездки. Четыре статьи, опубликованные в начале 1927 года, – результат выполненных Бенъямином договоренностей, в первую очередь это касается большого очерка «Москва», написанного по заказу Мартина Бубера для журнала «Die Kreatur». Эта статья представляет собой переработку – зачастую достаточно сильную – непосредственных впечатлений, занесенных в дневник. Их точность поистине поразительна, это точность, в которой с редкой интенсивностью сочетаются наблюдательность и воображение.

Живые зарисовки его попыток – в конечном счете безуспешных – вступить в плодотворные для него отношения с представителями литературной и художественной интеллигенции, а также ответственными за эти области функционерами занимают значительную часть дневника. Бенъямину не удалось осуществить свое намерение стать корреспондентом российских изда-

¹ Предисловие к первому изданию «Московского дневника» (Beniamin W. Moskauer Tagebuch / Hrsg. Von G. Smith – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1980). Гершом (Герхард) Шолем (1897–1982) – специалист по иудаизму, в частности по иудейской мистике и каббалистике, профессор Еврейского университета в Иерусалиме (1933–1965). Познакомился с В. Бенъямином в 1915 году и быстро стал его ближайшим другом. В 1923 году эмигрировал в Палестину, после этого отношения между ними поддерживались только по переписке. Неоднократно побуждал Бенъямина приехать в Палестину, однако Бенъямин (одно время даже начавший для этого изучать иврит) так и не последовал его настойчивым призывам и приглашениям. Воспоминания Шолема, связанные с Бенъямином, опубликованы в его книге «Вальтер Бенъямин. История одной дружбы» (Scholem G. Walter Beniamin. Die Geschichte einer Freundschaft. 1975).

ний по вопросам немецкой литературы и культурной жизни. Параллельно с этим в дневнике – это единственное место, где они даны в развернутом виде, – отражены его размышления о вступлении в КПП, которые после всех pro и contra завершились отказом от этой идеи. Он точно осознал границы, переступать которые он не был готов.

Оптимистические ожидания, с которыми Бенъямин прибыл в Москву, надеясь установить связи с московской литературной средой, и горькое разочарование, которым одала его встреченная им реальность, образуют резкий контраст. Очень характерно для его первоначального оптимистического настроения письмо, которое он написал мне 10 декабря 1926 года, всего через четыре дня после приезда, – это вообще единственное письмо, написанное им мне из Москвы. Что стало с этими ожиданиями, мы узнаем теперь с мучительно детальными подробностями из повествования его дневника. Постепенно – но от этого результат был ничуть не менее удручающим – он расстался со всеми иллюзиями.

О том, как Бенъямин оценивал свои московские впечатления, можно очень ясно судить по письму, которое он послал Мартину Буберу всего через три недели после возвращения (27 февраля 1927 года) и в котором он сообщает о скором завершении очерка «Москва», предназначенного для журнала «Die Kreatur», издававшегося Бубером. Как мне кажется, итог, подведенный Бенъямином в этом письме, вполне заслуживает того, чтобы его процитировать. Он пишет: «Мои описания будут избегать всякой теории. Как я надеюсь, именно благодаря этому мне удастся заставить говорить саму реальность: насколько мне удалось освоить и запечатлеть этот новый, чуждый язык, приглушенный сурдиной совершенно измененной среды. Я хочу изобразить этот город, Москву, в тот момент, когда “все фактическое уже стало теорией», и потому она недоступна какой бы то ни было дедуктивной абстракции, всякой прогностике, в какой-то мере вообще всякой оценке, которая, по моему глубочайшему убеждению, в данном случае не может следовать из каких-либо духовных “данных”, а лишь из экономических фактов, которыми в достаточной мере даже в России владеют лишь очень немногие. Москва, какой она предстает в этот момент, позволяет угадать в себе в схематическом, редуцированном виде все возможности: прежде всего возможность осуществления или крушения революции. Однако в обоих случаях возникнет нечто непредвиденное, образ которого будет сильно отличаться от всех проектов будущего, контуры этого образа проступают в наши дни в людях и их окружении резко и ясно».

Для того, кто читает дневник Бенъямина в 1980 году, к этому добавляется более четкое (в дневнике оно содержится лишь в эмбриональном виде) осознание того, что почти все люди, с которыми он вообще мог наладить хоть какие-то отношения, – между прочим, знал он это или Нет, но это были почти исключительно евреи – были представителями оппозиции, политической или художественной, это различие тогда еще в какой-то мере существовало. Насколько я мог проследить их судьбу, они раньше или позже стали жертвами формировавшегося уже в то время сталинского режима, обвиненные в троцкизме или прочих политических отклонениях. Даже его возлюбленная Ася Лацис в результате «чисток» была вынуждена провести несколько лет в лагерях. Не укрылся от Бенъямина и все более явный – как следствие страха или цинизма – оппортунизм некоторых его важнейших собеседников, вызывавший у него резкую реакцию, даже по отношению к Асе Лацис.

В попытках Бенъямина нащупать почву более значимым и продуктивным было не общение с возлюбленной, а и без того не лишённые драматизма отношения с весьма проницательным режиссером Бернхардом Райхом (до того работавшим в театре «Дойчес театр» в Берлине), спутником жизни Аси Лацис (а в последние годы – и ее мужем), ведь у него, как подтверждает дневник, были связи, которыми Лацис не располагала. Но и в отношениях с Райхом уже в январе 1927 года возникла глубокая трещина, так что сохранять их удавалось стрессом.

Однако стержень дневника несомненно образуют чрезвычайно сложные отношения с Асей Лацис (1891–1979). Несколько лет назад она опубликовала книгу воспоминаний «Революционер по профессии», одна из глав которой посвящена Вальтеру Бенъямину. Для читателей этой главы свидетельство дневника окажется неприятным и обескураживающим сюрпризом.

Бенъямин познакомился с Асей Лацис в мае 1924 года на Капри. В присланных мне с Капри письмах он упоминал ее, не называя имени, как «латышскую большевичку из Риги», а в связи с «глубоким пониманием актуальности радикального коммунизма» как «русскую революционерку из Риги, одну из самых замечательных женщин, которую я когда-либо знал». Нет сомнений в том, что начиная с этого момента и по крайней мере до 1930 года она оказывала решающее влияние на его жизнь. Он был с ней в Берлине в 1924 году и в Риге – в 1925-м, может быть даже еще раз в Берлине, прежде чем совершил путешествие в Москву, предпринятое прежде всего из-за нее. После Доры Кельнер и Юлы Кон она была третьей женщиной, имевшей решающее значение для его жизни. Эротическая привязанность к ней сочеталась с сильным интеллектуальным влиянием, которое она, судя по посвящению к книге «Улица с односторонним движением» («Эта улица называется улицей Аси Лацис по имени инженера, пробившего ее в авторе»), на него оказывала. Однако по поводу этой интеллектуальной стороны любимой им женщины дневник оставляет нас в полном неведении. Будучи почти до самого конца историей неудачного домогательства, дневник представляет собой прямо-таки отчаянно-пронзительный документ. Ася больна и лежит, когда он приезжает и почти до самого его отъезда, в санатории, но мы ничего не узнаем о природе ее болезни. Так что вместе они бывают главным образом в санаторной палате, лишь несколько раз она приходит к нему в гостиницу. У ее дочери от первого брака – ей было, насколько я понимаю, восемь или девять лет – тоже нелады со здоровьем, и она находится в детском санатории под Москвой. Таким образом, Ася Лацис не принимает активного участия в его действиях. Она только выслушивает его сообщения, почти всегда отвергает его домогательства и, наконец, – и не так уж редко – оказывается оппонентом в резких, даже отчаянных ссорах. Тщетное ожидание, постоянные отказы, в конце концов даже немалая доля эротического цинизма – все это занесено в хронику с точностью отчаявшегося человека, и отсутствие какого-либо определенного интеллектуального облика из-за этого становится вдвойне загадочным.

К тому же все люди, видевшие Бенъямина и Асю Лацис вместе и рассказывавшие мне об этом, как один выражали свое изумление по поводу этой пары, которая только тем и занималась, что ссорилась. И это в 1929 и 1930 годах, когда она приехала в Берлин и Франкфурт и Бенъямин из-за нее развелся! Здесь остается какая-то загадка, которая в жизни такого человека, как Вальтер Бенъямин, вполне уместна.

Иерусалим, 1 февраля 1980

Вальтер Бенъямин. Московский дневник

9 декабря.

Приехал я 6 декабря^[1]. В поезде, на случай если меня никто не встретит на вокзале, я заучил название гостиницы и адрес. (На границе меня заставили доплатить за первый класс, заявив, что во втором классе мест нет.) Меня вполне устраивало, что никто не видел, как я выхожу из спального вагона. Но и у турникета никого не было. Это не слишком меня взволновало. И вот уже на выходе из Белорусско-Балтийского вокзала меня встречает Райх^[2]. Поезд не опоздал ни на секунду. Вместе с обоими чемоданами мы погрузились в сани. В этот день наступила оттепель, было тепло. Мы всего несколько минут проехали по широкой, блестящей от снега и грязи Тверской, как увидели машущую Асю^[3]. Райх вылез из саней и пошел до гостиницы^[4], что была в двух шагах, пешком, а мы поехали. Ася выглядела некрасиво, диковато в русской меховой шапке, лицо от долгого лежания несколько расплылось. В гостинице мы не задержались и пошли выпить чаю в одной из так называемых кондитерских вблизи санатория^[5]. Я рассказал о Брехте. Потом Ася, сбежавшая в тихий час, вернулась в санаторий, чтобы никто не заметил, по боковой лестнице, Райх и я – по главной лестнице. Вторая встреча с обычаем снимать калоши. Первая – в гостинице, где, впрочем, только приняли чемоданы; комната была обещана нам лишь вечером. Соседку Аси по комнате, коренастую текстильщицу, я увидел лишь на следующий день, ее еще не было. Здесь мы впервые оказались на несколько минут одни в помещении. Ася очень дружелюбно смотрела на меня. Намек на решающий разговор в Риге^[6]. Потом Райх проводил меня в гостиницу, мы немного поели в моей комнате, а потом пошли в театр Мейерхольда^[7]. Была первая генеральная репетиция «Ревизора». Достать для меня билет, несмотря на попытку Аси, не удалось. Тогда я прошелся полчаса туда-сюда по Тверской, осторожно пытаюсь разбирать по буквам вывески и ступать по льду. Потом я вернулся очень усталый (и, вероятно, печальный) в свой номер.

7-го утром за мной зашел Райх. Маршрут: Петровка (регистрация в полиции), институт Каменевой^[8] (по поводу места за полтора рубля для ученых; кроме того, разговор с тамошним референтом по Германии, большим ослом), потом по *улице Герцена*² к Кремлю, мимо совсем неудачного мавзолея Ленина до того места, где открывается вид на Исаакиевский собор^[9]. Обратно по Тверской и Тверскому бульвару в *дом Герцена*^[10], резиденцию пролетарской писательской организации ВАПП. Хорошая еда, насладиться которой мне не дало напряжение, которого мне стоила ходьба по холоду. Коган^[11], которого мне представили, прочел мне лекцию о своей румынской грамматике и своем русско-румынском словаре. Рассказы Райха, которые я во время долгих походов от усталости могу слушать лишь в пол-уха, необычайно живы, полны убедительных фактов и анекдотов, остроумны и симпатичны. Истории о налоговом инспекторе, который берет на пасху отпуск и служит в своей деревне священником. Еще: приговоры по делам портнихи, убившей своего мужа-алкоголика, и хулигана, напавшего на улице на студента и студентку. Еще: история о белогвардейской пьесе у Станиславского^[12], как она попадает в цензуру и только один чиновник что-то замечает и возвращает с пометкой, что нужно сделать изменения. Спустя месяцы, с учетом сделанных замечаний, официальное представление пьесы. Запрет. Станиславский к Сталину: театру, мол, конец, все вложено в постановку. Сталин решает, что «она не опасна». Премьера при сопротивлении коммунистов, которых удаляют с помощью милиции. История о повести^[13], в которой намекается на происшествие с

² Курсивом в тексте дневника выделены слова и выражения, записанные Бенъямином в латинской транслитерации по-русски. Частые мелкие ошибки и неточности передачи при этом не воспроизводятся, кроме тех случаев, когда это затрагивает структуру фразы (ср., например, далее – *Ямская Тверская* вместо *Тверская-Ямская* и т. д. – Прим. пер.).

Фрунзе, который, как говорят, был прооперирован против своей воли и по приказу Сталина... далее политическая информация: снятие оппозиционных деятелей с руководящих постов.

Георгий Зимин. Без названия. До 1931 г.

Того же плана: вытеснение евреев, главным образом из среднего звена управления. Анти-семитизм на Украине. – После *ВАППа*, совершенно обессиленный, сначала один к Асе. Там скоро становится тесно. Приходит латышка, сажающаяся рядом с ней на кровать, Шестаков^[14] со своей женой; между этими двоими, с одной стороны, и Асей и Райхом, с другой, возникает – по-

русски – ожесточеннейшая дискуссия о постановке «Ревизора» Мейерхольдом. В центре дискуссии – затраты на бархат и шелк, пятнадцать костюмов его жены^[15]; между прочим, постановка идет 5 с половиной часов. После еды Ася приходит ко мне; Райх тоже у меня. Перед уходом Ася рассказывает историю о своей болезни. Райх отводит ее в санаторий и потом возвращается. Я лежу в постели – он хочет работать. Но очень скоро он делает перерыв, и мы беседуем о положении интеллигенции – здесь и в Германии; а также о технике принятой в настоящее время в обеих странах литературной деятельности. И еще о сомнениях Райха по поводу вступления в партию. Его постоянная тема – реакционный поворот партии в делах культуры. Левые движения, которые использовали во время военного коммунизма, оставлены совершенно без внимания. Лишь совсем недавно пролетарские писатели (вопреки Троцкому^[16]) как таковые признаны государством, но при этом им одновременно дали понять, что они ни в коем случае не могут рассчитывать на государственную поддержку. Потом история Лелевича^[17] – действия против левого культурного фронта. Лелевич написал работу о методике марксистской литературной критики. – Величайшее внимание в России обращается на четко – до мельчайших нюансов – определенную политическую позицию. В Германии достаточно лишь в общих чертах обозначить политическую ориентацию, хотя и там без этого не обойтись. – Методика писать для России: побольше материала и по возможности ничего больше.

Уровень образования публики настолько низок, что тонкости формулировок останутся непонятыми. В Германии же, напротив, требуют одного: результатов. Как они получены, никого не интересует. С этим связано и то, что немецкие газеты предоставляют пишущему лишь крошечный объем; здесь же статьи от 500 до 600 строк не редкость. Этот разговор продолжался долго. Моя комната хорошо протоплена и просторна, находиться в ней приятно.

8 декабря.

С утра ко мне зашла Ася. Я дал ей подарки, дал ей мельком взглянуть на мою книгу с посвящением^[18]. Ночью она из-за сердцебиения спала плохо. Суперобложку книги, сделанную Стоуном, я тоже показал (и подарил) ей. Она ей очень понравилась. После пришел Райх. Дальше я пошел с ним в государственный банк менять деньги. Мы немного поговорили там с отцом Неймана^[19], 10 декабря^[20]. Потом через заново отстроенный пассаж на Петровке. В пассаже выставка фарфорового завода.

Но Райх нигде не останавливается. На улице, где находится гостиница «Ливерпуль»^[21], я во второй раз вижу кондитерские. (Здесь я с опозданием записываю историю визита в Москву Толлера^[22], которую я слышал в первый день. Он был принят с невероятной пышностью. Плакаты по всему городу возвещали о его прибытии. Ему дают целый штат сопровождающих: переводчицы, секретарши, привлекательные женщины. Объявлены его выступления. Однако в эти дни в Москве проходит заседание Коминтерна. Среди немецких делегатов – Вернер, смертельный враг Толлера. Он сочиняет или инспирирует для «Правды» статью: Толлер, сообщается в ней, предал революцию, виновен в поражении советской республики в Германии. «Правда» дает к этому краткое редакционное примечание: извиняемся, мы этого не знали. Толлер становится в Москве нежелательной фигурой. Он отправляется, чтобы выступить с широко объявленным докладом – здание закрыто. Институт Каменевой сообщает ему: просим прощения, но зал сегодня не мог быть использован. Вам забыли позвонить.) Днем снова в *ВАППе*. Бутылка минеральной воды стоит 1 рубль. Затем Райх и я идем к Асе. Чтобы дать ей отдохнуть, Райх организует, вопреки ее желанию, и моему тоже, в санаторной комнате отдыха партию в домино между ней и мной. Сидя рядом с ней, я кажусь самому себе персонажем из романа Якобсена^[23]. Райх играет в шахматы со знаменитым старым коммунистом, потерявшим на мировой или гражданской войне глаз и совершенно подорвавшим свое здоровье, как многие лучшие коммунисты этого времени, если они вообще еще живы. Только мы с Асей вернулись в ее комнату, как появляется Райх, чтобы вести меня к Грановскому^[24]. Какое-то время Ася идет с нами

по Тверской. В кондитерской я покупаю ей халву, и она идет к себе. Грановский – еврей из Риги. Он создал подчеркнуто антирелигиозный и по внешним проявлениям в какой-то степени антисемитский фарсовый театр, являющийся по своим истокам карикатурным воспроизведением оперетты на идише. Он выглядит совершенно по-европейски, относится несколько скептически к большевизму, и разговор вертится главным образом вокруг театра и финансовых вопросов. Речь заходит о квартирах. Их оплачивают по кв. метрам. Цена квадратного метра определяется в зависимости от зарплаты квартиросъемщика. Кроме того, все, что превосходит 13 кв. м на человека, оплачивается в тройном размере, как квартплата, так и плата за отопление. Нас уже не ждали, и вместо солидной еды был импровизированный холодный ужин. У меня в гостинице разговор с Райхом об энциклопедии.

Илья Ильф. Вид на Кремль с Москворецкой набережной. Зима 1929/1930 гг.

9 декабря.

С утра снова пришла Ася. Я дал ей кое-что, и мы скоро пошли гулять. Ася говорила обо мне. У «Ливерпуля» мы повернули.

Я пошел домой, где уже был Райх. Час мы работали, каждый занимаясь своим – я редактированием статьи о Гёте^[25]. Потом в институт Каменевой, чтобы получить для меня скидку в гостинице. После этого обед. На этот раз не в *ВЛШП*. Еда была превосходной, особенно суп из свеклы. После в «Ливерпуль» с его симпатичным хозяином, латышом. Было около 12 градусов. После обеда я порядком устал и не смог отправиться к Лелевичу пешком, как собирался. Небольшое расстояние пришлось проехать. Потом быстро через большой сад или парк, в котором разбросаны дома. Совсем в глубине красивый черно-белый деревянный дом с квартирой Лелевича на втором этаже. У входа в дом мы встречаем Безыменского^[26], который как раз уходит. Крутая деревянная лестница, а за дверью сначала кухня с открытым очагом. Потом примитивная прихожая, забитая пальто, потом через жилую комнату, похоже с альковами, в кабинет Лелевича. Вид его с трудом поддается описанию. Довольно высокий, в синей русской блузе, он почти недвижим (само маленькое помещение, заполненное людьми, заставляет его сидеть на стуле у письменного стола). Примечательно его длинное, словно смазанное лицо с плоскими щеками. Подбородок такой длинный, какой я видел только у одного человека, больного Громмера^[27], и мало выдающийся вперед. Внешне он очень спокоен, но в нем чувствуется вся напряженная молчаливая сосредоточенность фанатика. Он несколько раз спрашивает Райха обо мне. Напротив на кровати сидят два человека, один, в черной блузе, очень молод и красив. Здесь собрались лишь представители литературной оппозиции, чтобы провести с ним

последние часы перед его отъездом. Его высылают. Сначала было предписано ехать в Новосибирск. «Вам нужен, – сказали ему, – не просто город, чьи масштабы все же ограничены, а целая область». Но ему удалось избежать этого, и теперь его посылают «в распоряжение партии» в Саратов, город в сутках езды от Москвы, при этом он даже еще не знает, будет он там редактором, продавцом производственного кооператива или кем-нибудь еще. В соседней комнате почти все время среди других гостей находится его жена, существо чрезвычайно энергичное, но наделенное не менее гармоничной внешностью, невысокая, южнорусского склада. Она будет сопровождать его первые три дня. Лелевич наделен оптимизмом фанатика: он жалуется, что не сможет услышать речь, которую на следующий день будет произносить в Коминтерне в поддержку Зиновьева Троцкий, полагая, что партия находится накануне перелома. Прощаясь в прихожей, я прошу Райха сказать ему от меня несколько приветливых слов. После мы идем к Асе. Может быть, партия в домино была в действительности в этот раз. Вечером Ася и Райх хотели прийти ко мне. Но пришла только Ася.

Я дал ей подарки: блузку, брюки. Мы разговариваем. Я замечаю, что она, в сущности, ничего не забывает, что касается нас с ней. (После обеда она сказала, что ей кажется, что у меня все хорошо. Она не верит, что я в кризисе.) Прежде чем она уходит, я читаю ей из «Улицы с односторонним движением» место о морщинках^[28]. Потом я помогаю ей надеть калоши. Райх пришел, когда я уже спал, около полуночи, чтобы сообщить мне новость, которая должна была успокоить Асю. Он подготовился к переезду. Дело в том, что он живет с сумасшедшим, и жилищные условия, и без того тяжелые, становятся от этого невыносимыми.

10 декабря.

Утром мы идем к Асе. Поскольку сутра визиты не разрешены, мы разговариваем с ней минутку в вестибюле. Она после углекислой ванны, которую она принимала в первый раз и которая очень хорошо на нее подействовала. После этого снова в институт Каменевой. Справка, по которой делают скидку в гостинице, все еще не готова, вопреки обещаниям. Вместо этого в уже знакомом мне секретариате достаточно продолжительная беседа о театральных проблемах с бездельничающим господином и секретаршей. На следующий день меня должна принять Каменева, а на вечер мне пытаются достать билеты в театр.

К сожалению, билетов в оперетту нет. Райх оставляет меня в *ВАППе*, я провожу там два с половиной часа со своей русской грамматикой; потом он снова появляется, вместе с Коганом, чтобы пообедать. После обеда я совсем недолго навещаю Асю.

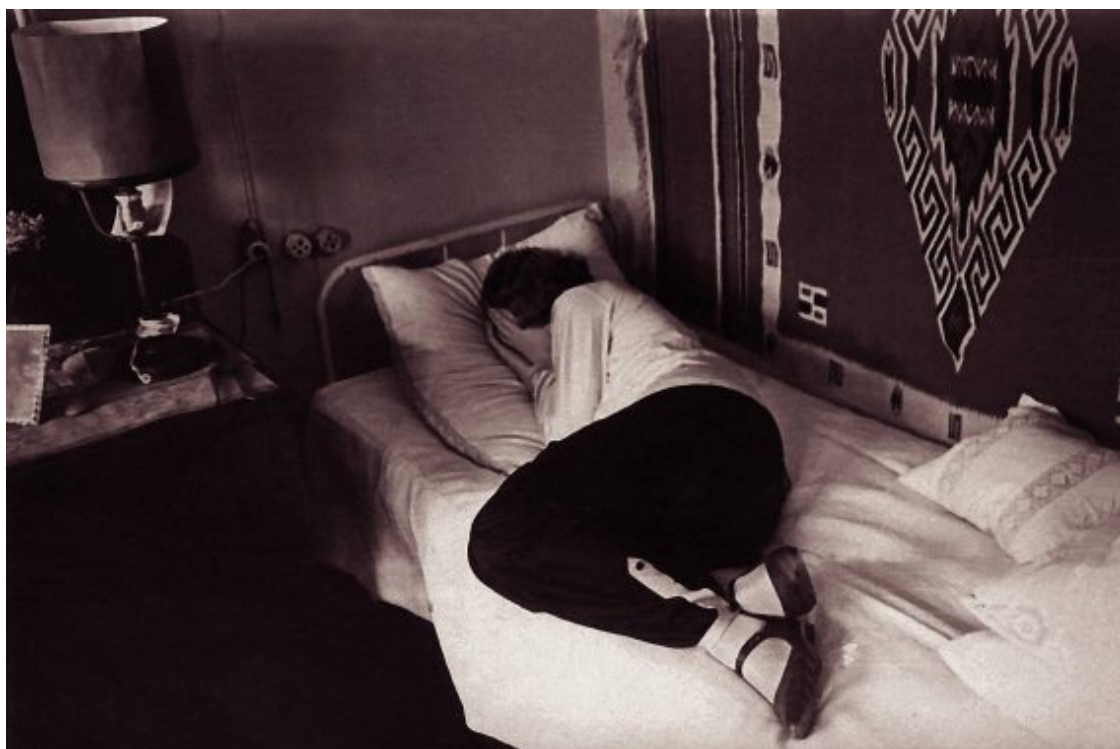
У них с Райхом спор по поводу квартирных дел, и она выставляет меня. Я читаю в своей комнате Пруста, поглощая при этом марципан. Вечером я иду в санаторий, встречаю в дверях Райха, который выходил, чтобы купить сигарет. Мы несколько минут ждем в коридоре, потом появляется Ася. Райх сажает нас в трамвай, и мы едем в музыкальную студию^[29]. Нас принимает администратор. Он предъявляет нам написанный по-французски похвальный отзыв Казеллы^[30], проводит нас по всем помещениям (в вестибюле много публики задолго до начала, это люди, пришедшие в театр прямо с работы), показывает нам и зал. Пол вестибюля покрыт чрезвычайно ярким, не слишком красивым ковром. Должно быть, дорогой обюссон^[31]. На стенах висят подлинные старые картины (одна из них без рамы). Здесь, как, впрочем, и в официальной приемной института по культурным связям с заграницей, есть и очень ценная мебель. Наши места во втором ряду. Играют «Царскую невесту» Римского-Корсакова – первую оперу, недавно поставленную Станиславским^[32]. Разговор о Толлере, Ася рассказывает, как она сопровождала его, и он хотел ей что-нибудь подарить и выискал самый дешевый пояс, какие глупые замечания он делал. В антракте мы идем в вестибюль. Но их три. Они слишком длинные, и Ася устает. Разговор об охристо-желтой шали, которую она носит. Я заявляю ей, что она стесняется меня. В последнем антракте к нам подходит администратор. Ася разговаривает с ним. Он приглашает меня на следующую новую постановку («Евгений Онегин»).

В конце оказывается сложным получить вещи в гардеробе. Два служителя перекрывают лестницу, чтобы регулировать приток публики в крошечный гардероб. Домой, как и в театр, – в маленьком, неотапливаемом трамвае с заиндеветыми окнами.

11 декабря.

Кое-что об облике Москвы. В первые дни я почти полностью поглощен трудностями привыкания к ходьбе по совершенно обледеневшим улицам. Мне приходится так пристально смотреть под ноги, что я мало могу смотреть по сторонам. Дело пошло лучше, когда Ася вчера к вечеру (я пишу это 12-го) купила мне калоши. Это оказалось не так сложно, как предполагал Райх. Для архитектурного облика города характерно множество двух-и трехэтажных домов. Они придают ему вид района летних вилл, при взгляде на них холод ощущается вдвойне. Часто встречается разнообразная окраска неярких тонов: чаще всего красная, а также голубая, желтая и (как говорит Райх) также зеленая. Тротуар поразительно узок, к земной поверхности здесь относятся столь же скупое, сколь расточительно к воздушному пространству. К тому же лед у стен домов лежит так плотно, что часть тротуара не пригодна для ходьбы. Между прочим, отличить его от проезжей части улицы чаще всего трудно: снег и лед нивелируют разные уровни улицы. Перед государственными магазинами часто встречаются очереди; за маслом и другими важными товарами приходится стоять. Здесь бесчисленное количество магазинов и еще больше торговцев, у которых, кроме корзины с яблоками, мандаринами или земляными орехами, ничего нет. Чтобы защитить товар от мороза, его накрывают шерстяным платком, поверх которого на пробу лежат две-три штуки. Изобилие хлеба и другой выпечки: булочки всех размеров, кренделя и, в кондитерских, очень пышные торты. Из жженого сахара возводят фантастические сооружения и цветы. Вчера после обеда я был с Асей в одной кондитерской. Там подают взбитые сливки в стеклянных чашах. Она взяла безе, я – кофе. Мы сидели в середине за маленьким столиком, друг напротив друга. Ася напомнила мне о моем намерении написать критику психологии, и я вновь не мог не заметить, насколько моя способность писать на такие темы зависит от контакта с ней. Вообще нам не удалось провести время в кафе так долго, как мы надеялись.

Я ушел из санатория не в четыре, а лишь в пять. Райх хотел, чтобы мы его подождали, он не был уверен, будет ли у него заседание. Наконец мы пошли. На Петровке мы рассматривали витрины.

Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймоновском проезде). 1933 г.

Я обратил внимание на шикарный магазин деревянных изделий. Ася купила мне в нем по моей просьбе совсем маленькую трубку. Я хочу потом купить там игрушки для Штефана и Даги^[33]. Там есть русские деревянные яйца, вкладывающиеся одно в другое, точно так же складывающиеся шкатулочки, резные звери из прекрасного мягкого дерева. В другой витрине были русские кружева и вязаные платки, о которых Ася сказала, что русские крестьянки повторяют в них ледяные узоры на окнах. В тот день это была уже вторая наша прогулка. С утра Ася пришла ко мне, сначала писала Даге, а потом мы прогулялись по Тверской, была очень хорошая погода. Поворачивая назад, мы остановились перед магазином, в котором продавали рождественские свечи. Ася заговорила о них. Потом с Райхом снова в институте Каменевой. Наконец я получаю свою скидку в гостинице. Вечером они хотели отправить меня на «Цемент»^[34]. Райх считал, что лучше пойти на спектакль к Грановскому, потому что Ася хотела пойти в театр, а «Цемент» был бы для нее слишком напряженной вещью. Однако, когда подошло время, Ася почувствовала себя не очень хорошо, так что я пошел один, а Райх и она отправились в мой номер. Было три одноактных спектакля, из них два первых были ниже всякой критики, третий, собрание раввинов, что-то вроде музыкальной комедии на еврейские мелодии, производил гораздо лучшее впечатление, однако я не понимал сюжета и был так утомлен тем, что случилось за день, и бесконечными антрактами, что временами засыпал^[35]. – Райх спал в эту ночь в моем номере. – Мои волосы здесь очень наэлектризованы.

12 декабря.

Утром Райх с Асей пошли гулять. Потом они зашли ко мне – я был еще не совсем одет. Ася сидела на кровати. Меня очень порадовало, как она разбирала и приводила в порядок мои чемоданы; при этом она взяла себе пару галстуков, которые ей понравились. Потом она рассказала, как она глотала бульварные романы, когда была маленькой. Она прятала маленькие брошюры среди школьных учебников, однако однажды ей досталась большая книга «Лаура», все выпуски в одном переплете, и она попала в руки ее матери. В другой раз она ночью убежала из дому, чтобы получить у подружки продолжение какой-то из этих историй. Отец подружки

открыл ей в полном замешательстве – он спросил, что ей нужно, и так как она лишь в этот момент поняла, что натворила, она смогла только ответить, что сама этого не знает. – Днем с Райхом в маленьком подвальном ресторане. Послеобеденный визит в унылый санаторий был мучительным. Ася снова постоянно переходила то на «ты», то на «вы». Потом прогулка по Тверской. При этом позднее, когда мы сидели в кафе, между Райхом и Асей возникла крупная ссора, из которой можно было ясно понять, что Райх надеялся полностью сосредоточиться на русских делах, забросив из-за этого немецкие связи. Вечером одни с Райхом в моем номере: я изучал путеводитель, а он работал над статьей о «Ревизоре». – В Москве нет грузовиков, нет фирм, занимающихся доставкой etc. Самые маленькие покупки, как и самые большие вещи, приходится перевозить на крошечных санях с извозчиком.

13 декабря.

В первой половине дня я, чтобы лучше познакомиться с городом, предпринял большую прогулку по внутреннему бульварному кольцу к главному почтамту и обратно через Лубянскую площадь к *дому Герцена*. Я разрешил загадку человека с алфавитной доской: он торговал буквами, которыми помечали калоши, чтобы не спутать. Я снова обратил внимание на то, что многие магазины украшены елочными игрушками, так же как и за час до того, во время короткой прогулки с Асей, когда они постоянно попадались мне на *Ямской Тверской*. За витринным стеклом они порой выглядят еще более яркими, чем на дереве.

Во время этой прогулки по Ямской Тверской мы встретили группу комсомольцев, маршировавших под музыку. Эта музыка, так же как и музыка советской армии, производит впечатление соединения свиста и пения. Ася говорила о Райхе. Она поручила мне принести ему последний номер «Правды». Во второй половине дня Райх читал нам у Аси свой отзыв на прогон постановки «Ревизора» Мейерхольдом. Он очень хорош. До того, пока он спал в Асиной комнате на стуле, я прочел ей кое-что из «Улицы с односторонним движением».

Виктор Иваницкий. Без названия (Квартира Ильфов в Соймаоновском проезде). 1933 г.

Во время моей большой прогулки в первой половине дня я заметил еще кое-что: торговки, крестьянки, ставят свою корзину с товаром перед собой (иногда и санки, вроде тех, на которых здесь зимой возят детей, вместо колясок). В этих корзинах лежат яблоки, конфеты, орехи, сахарные фигурки, наполовину скрытые платком. Можно подумать, что заботливая бабушка, перед тем как выйти из дому, собрала все, чем она может порадовать внуков.

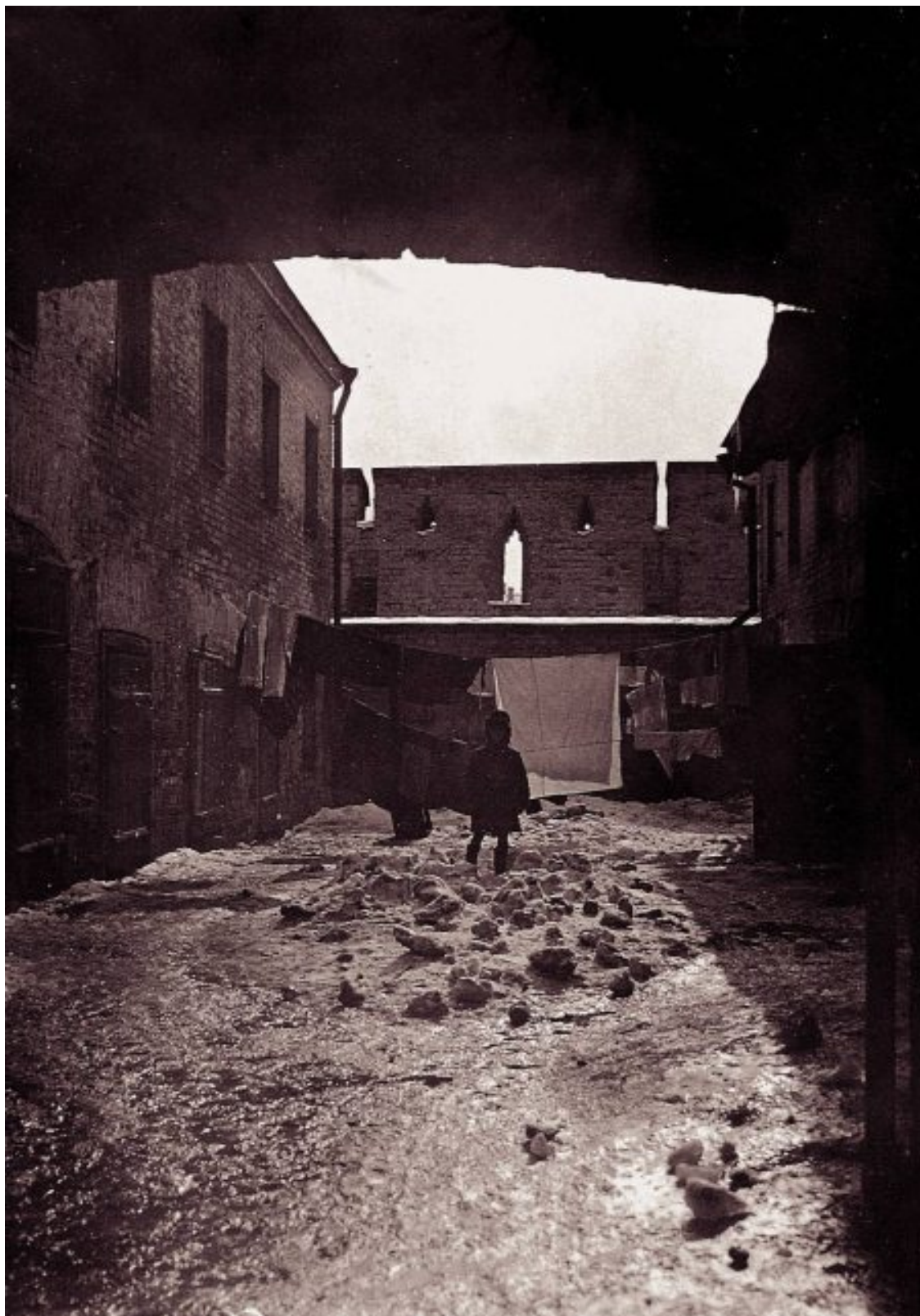
Все это она уложила в корзину, а теперь остановилась передохнуть по пути. Я снова встретил китайцев, продающих бумажные цветы, такие же, как и те, что я привез Штефану из Марселя. Но здесь, похоже, еще чаще встречаются бумажные животные, по форме напоминающие экзотических глубоководных рыб. Потом еще есть люди, чьи корзины полны деревянными игрушками, тележками и лопатками, тележки желто-красные, лопатки желтые или красные. Другие расхаживают со связками разноцветных флажков за плечами. Все игрушки сработаны проще и добротнее, чем в Германии, их крестьянское происхождение совершенно очевидно. На одном углу я обнаружил женщину, продающую елочные украшения. Стекланные шары, желтые и красные, сверкали на солнце, словно это была волшебная корзина с яблоками, в которой одни яблоки были желтыми, другие красными. Здесь, как и в других местах, ощущается и непосредственная связь дерева и цвета. Это видно по простейшим игрушкам так же хорошо, как и по изящной лаковой росписи. – У стены *Китай-города* стоят монголы. Возможно, зима на их родине не менее сурова, а их обтрепанные шубы не хуже, чем у местных жителей. Однако это единственные люди, которые вызывают здесь сочувствие из-за климата. Они стоят на расстоянии не более пяти шагов друг от друга и торгуют кожаными папками; каждый точно такими же, как и другие. За этим, должно быть, скрывается какая-то организация, ведь не могут же они всерьез так безнадежно конкурировать друг с другом. Здесь, как и в Риге, существует прелестная примитивная живопись на вывесках. Ботинки, выпадающие из корзины, с одной из сандалий в зубах убегает шпиц. Перед турецким рестораном две вывески, как диптих, на которых изображены господа в фесках с полумесяцем за накрытым столом. Ася права, когда отмечает как примечательную черту, что народ везде, в том числе и в рекламе, хочет видеть изображение какого-нибудь реального события. – Вечером с Райхом у Иллеша^[36]. Позднее пришел директор Театра революции, в котором 30 декабря должна состояться премьера пьесы Иллеша. Этот директор^[37] – бывший красный генерал, который внес решающий вклад в разгром Врангеля и был дважды упомянут в приказе Троцкого по армии. Позднее он совершил какую-то политическую глупость, которая остановила его карьеру, а поскольку он когда-то был литератором, его направили на этот руководящий пост в театре, где ему, правда, почти нечего делать. Похоже, он довольно глуп. Разговор был не слишком оживленным. К тому же я, по совету Иллеша, был осторожен в речах. Говорили об эстетике Плеханова. В комнате совсем мало мебели, больше всего бросаются в глаза старая детская кровать и ванна. Когда мы пришли, мальчик еще не спал, потом его с криками отправляют в постель, однако он не спит, пока мы не уходим.

14 декабря (записано 15-го).

Сегодня я Асю не увижу. Ситуация в санатории обостряется; вчера ей разрешили выйти лишь после долгих переговоров, а сегодня утром она не зашла за мной, как мы договорились.

Мы собирались купить ткань ей на платье. Я здесь всего неделю, и уже приходится сталкиваться с большими трудностями, для того чтобы ее увидеть, не говоря уже о том, чтобы увидеть наедине. – Вчера до обеда она пришла торопливая, возбужденная, еще больше приводящая в замешательство, чем испытывающая замешательство сама, словно она боялась привести в моей комнате даже минуту. Я проводил ее до здания комиссии, в которую она была вызвана. Сказал ей о том, что узнал накануне вечером: что Райх рассчитывает получить место театрального критика в одном чрезвычайно влиятельном журнале. Мы шли по Садовой. Я в общем говорил очень мало, она рассказывала, очень возбужденно, о своей работе с детьми на детской площадке. Во второй раз я услышал историю, как на ее детской площадке один ребенок пробил другому голову. Станным образом я понял эту совсем простую историю (которая могла бы иметь неприятные последствия для Аси, однако врачи посчитали, что ребенок будет спасен) только сейчас. Это происходит со мной довольно часто: я едва слышу, что она говорит, потому что так пристально на нее смотрю. Она развивала свою мысль, как следует делить детей на группы, потому что никогда не удастся самых отчаянных – которых она называет самыми

способными – занимать чем-нибудь вместе с остальными. Они скучают от занятий, полностью поглощающих нормальных детей. И вполне понятно, что Ася, по ее утверждению, добивается наибольших успехов с самыми отчаянными. Кроме того, Ася говорила о своей литературной работе, о трех статьях в латышской коммунистической газете, выходящей в Москве: это издание нелегально доставляется в Ригу, и для нее очень полезно, что ее там читают. Дом комиссии стоял на месте пересечения Страстного бульвара с Петровкой. Больше получаса я в ожидании ходил туда-сюда по этой улице. Когда она наконец вышла, мы пошли в Государственный банк, чтобы я поменял деньги. В это утро я был полон сил, и потому мне удалось говорить о своем визите в Москву и связанных с ним ничтожно малых шансах связно и спокойно. Это произвело на нее впечатление. Она рассказала, что врач, который ее лечил и спас, категорически запретил ей оставаться в городе и предписал лесной санаторий. Однако она осталась, испугавшись печального одиночества, которое означало пребывание в лесу, а также из-за моего приезда. Мы остановились перед меховым магазином, где Ася останавливалась уже во время нашей первой прогулки по Петровке. В нем на стене висел восхитительный меховой костюм, расшитый бисером. Чтобы спросить, сколько он стоит, мы вошли и узнали, что это тунгусская работа (а не «эскимосский костюм», как предполагала Ася). Оказалось, что он стоит двести пятьдесят рублей. Ася хотела его заполучить. Я сказал: «Если я его куплю, мне придется тотчас же уехать».

Илья Ильф. Уголок старой Москвы. Зима 1929/1930 гг.

Но она заставила меня пообещать, что я сделаю ей потом большой подарок, который она сохранила бы на всю жизнь. К *Госбанку* с Петровки нужно идти через пассаж, в котором находится большой комиссионный антикварный магазин. В витрине стоял редкий по великолепию шкаф в стиле ампир с инкрустацией. Дальше, ближе к концу, у деревянных стеллажей запаковывали и разбирали фарфор. Было несколько очень хороших минут, пока мы шли обратно к

автобусной остановке. Потом моя аудиенция у Каменевой. После обеда я блуждаю по городу: к Асе я не могу, у нее Кнорин^[38], очень важный латышский коммунист, член верховного цензурного совета. (То же самое и сегодня; пока я пишу это, у нее Райх, один.)

К вечеру я оказываюсь во французском кафе в Столешниковом, за чашкой кофе. – О городе: похоже, что византийские церкви не выработали собственной формы окна. Завораживающее впечатление, малопривычное: мирские, невзрачные окна колоколен и главного придела церквей византийского стиля выходят на улицу, словно это жилые дома. Здесь живет православный священник, словно бонза в своей пагоде. Нижняя часть храма Василия Блаженного могла бы быть первым этажом великолепного боярского дома. А кресты на куполах часто выглядят как огромные серьги, вознесенные к небу. – Роскошь, осевшая в обедневшем, страдающем городе словно зубной камень в больном рту: магазин шоколадных изделий Н. Крафта, магазин изысканной моды на Петровке, в котором большие фарфоровые вазы холодно, отвратительно торчат среди мехов. – Нищенство не агрессивно, как на юге, где назойливость обворованных все еще выдает остатки жизненной силы. Здесь оно – корпорация умирающих. Углы улиц, по крайней мере в тех кварталах, где бывают по делам иностранцы, обложены грудami тряпья, словно койки в огромном лазарете по имени Москва, раскинувшимся под открытым небом. По-другому организовано нищенство в трамваях. На определенных линиях случаются более долгие остановки. Тогда в вагон просачиваются нищие или в угол вагона встает ребенок и начинает петь. После он собирает копейки. Очень редко можно увидеть подающего. Нищенство потеряло свое наиболее мощное основание – дурную социальную совесть, открывающую кошельки гораздо шире, чем сочувствие. – Пассажи. В них есть, как нигде в другом месте, разные этажи, галереи, на которых так же пустынно, как и на хорах в соборах. – В сравнении с огромной войлочной обувью, в которой расхаживают крестьяне и зажиточные дамы, тесно облегающие сапожки кажутся интимной частью туалета, наделенной всеми мучительными свойствами корсета. *Валенки* –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Первоначальное заглавие московского дневника Бенъямин замазал чернилами и приписал новое: «Испанское путешествие». Причины, побудившие его изменить заглавие рукописи, как и время, когда это было сделано, до сих пор не выяснены. Материалы дневника в переработанном виде вошли в ряд публикаций, подготовленных им в Москве и по возвращении в Берлин. Основным литературным результатом поездки был очерк «Москва» (см. БИЭ, с. 163–209). Несколько небольших статей публикуются в приложении.

2.

Бернхард (Бернгард Фердинандович) Райх (Reich, 1894–1972) – театральный режиссер и театровед. Свою театральную деятельность начал в Вене накануне Первой мировой войны, продолжив ее затем в Берлине с М. Рейнхардтом и в Мюнхене с Б. Брехтом. Испытал сильное влияние театрального авангарда (в том числе и русского) и марксизма. С 1925 г. жил в Советском Союзе, где занимался главным образом театроведческой деятельностью и критикой. В 1941–1949 гг. в заключении. Автор монографии «Брехт» (М., 1960). Опубликовал книгу воспоминаний (русс. изд.: Вена – Берлин – Москва – Берлин. – М., 1972). С начала 20-х гг. в тесных отношениях с А. Лацис (сыгравшей существенную роль в его увлечении левыми идеями), которая позднее становится его женой.

3.

Ася (Анна Эрнестовна) Лацис (1891–1979) – актриса и театральный режиссер. Закончила гимназию в Риге, училась сначала в Петербурге в Психоневрологическом институте Бехтерева, а в 1915–1916 гг. – в Москве в студии Ф. Комиссаржевского.

4.

В. Бенъямин жил в Москве в государственной гостинице 3-го разряда «Тироль» на Садовой-Триумфальной, д. 7 (дом не сохранился).

5.

После тяжелого нервного расстройства А. Лацис находилась на лечении в санатории проф. Рота в Благовещенском пер., д. 6 (дом не сохранился).

6.

В 1925 г. В. Бенъямин приезжал в Ригу, чтобы встретиться с А. Лацис.

7.

Театр им. Мейерхольда находился на Большой Садовой, д. 20 (здание не сохранилось).

8.

Институтом Каменевой (или просто институтом) Бенъямин называет ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, которое находилось в то время на М. Никитской, д. 6, в бывшем особняке Рябушинского, позднее – дом А.М. Горького, сейчас – его музей), которым руководила О.Д. Каменева (1883–1941), сестра Л.Д. Троцкого.

9.

Явная ошибка. Бенъямин, скорее всего, имел в виду храм Христа Спасителя.

10.

Домом Герцена (особняк на Тверском бульваре, д. 25, в настоящее время – Литературный институт) назывался центр писательских организаций, в том числе упомянутой Беньямином ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей; основная часть писателей, с которыми имел дело Райх, входили при этом в РАПП – Российскую ассоциацию пролетарских писателей).

11.

Петр Семенович Коган (1872–1932) – историк литературы, критик, один из основоположников официального советского литературоведения. Президент Государственной академии художественных наук (основана в 1921 г.).

12.

Речь идет о постановке «Дней Турбиных» М.А. Булгакова во МХАТе.

13.

«Повесть непогашенной луны» Б.А. Пильняка была опубликована в конце 1926 г. в журнале «Новый мир».

14.

Театральный художник Виктор Алексеевич Шестаков (1898–1957), начинавший свою театральную деятельность, как и А. Лацис, в Орле.

15.

Жена В.Э. Мейерхольда, Зинаида Николаевна Райх (1894–1939), была ведущей актрисой его театра.

16.

Позиция Троцкого изложена в его книге «Литература и революция» (М., 1924).

17.

Григорий Лелевич (псевдоним, наст. имя Лабори Гилелевич Калмансон; 1901–1945) – наиболее видный представитель «левой» литературной группы напостовцев в составе ВАПП-РАПП, редактор журнала «На посту». Начиная революционными стихами, затем перешел к программным и теоретическим сочинениям: «О принципах марксистской литературной критики» (1925), «Творческие пути пролетарской литературы» (1925), «Марксистское литературоведение и биография художника» (1926). В начале 1926 г. в РАППе произошел раскол, в результате которого «левые» пролетарские писатели, лидером которых был Лелевич, оказались оттесненными от руководства ассоциацией. Погиб в ходе репрессий.

18.

Книга литературно-философских фрагментов «Улица с односторонним движением» (Einbahnstrasse. Berlin, 1928), о которой идет речь, открывалась посвящением: «Эта улица называется улицей Аси Лацис, по имени инженера, пробившего ее в авторе».

19.

Речь идет, по-видимому, об отце советского дипломата в Берлине А. Неймана (см.: Райх Б. Вена – Берлин – Москва – Берлин. М., 1972. С.166).

20.

Неясная запись (описка?).

21.

Гостиница «Ливерпуль» (позднее переименована в «Урал») находилась в Столешниковом переулке.

22.

Эрнст Толлер (1893–1939) – немецкий писатель-экспрессионист.

23.

Датский писатель-реалист Енс Петер Якобсен (1847–1885).

24.

Алексей Михайлович Грановский (1890–1935) – директор Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), находившегося на М. Бронной, д. 2 (в настоящее время – Театр на Малой Бронной). Позднее (в апреле 1928), в связи с гастролями ГОСЕТа в Германии, Бенъямин опубликовал статью «Грановский рассказывает», в которой со слов Грановского изложена история возникновения театра (GS IV. i, 518–522).

25.

До поездки в Москву Бенъямин получил, благодаря Б. Райху, от редакции «Большой советской энциклопедии» предложение написать статью о Гёте.

26.

Александр Ильич Безыменский (1898–1973) – советский поэт (один из «комсомольских поэтов»), в 1923–1926 гг. активный участник РАППа, сотрудник журнала «На посту».

27.

Якоб Громмер (1879–1933) – ученый русского происхождения, учился в Германии и работал ассистентом у А. Эйнштейна. Из-за акромегалии обладал аномальными чертами лица.

28.

Фрагмент, о котором идет речь:

29.

Речь идет об Оперной студии-театре им. Станиславского, находившейся в одном помещении (Б. Дмитровка, д. 17) с театром Музыкальная студия (бывш. музыкальная студия МХАТ), в настоящее время – Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко.

30.

Альфредо Казелла (1883–1947) – итальянский композитор и пианист-виртуоз, выступал в начале декабря 1926 г. в Москве.

31.

Обюссон-тип ковра, названный по месту его производства на юге Франции.

32.

«Царская невеста» на самом деле не была первой оперной постановкой Станиславского; упомянутая далее постановка «Евгения Онегина» была осуществлена раньше, в 1925 г.

33.

Штефан – сын Бенъямина, Дага (Дагмара) – дочь А. Лацис от первого брака.

34.

Постановка по роману Федора Васильевича Гладкова (1883–1958) «Цемент» (1925) шла в театре им. МГСПС (зимний Эрмитаж, Каретный ряд, д. 3). Позднее, летом 1927 г., Бенъямин опубликовал рецензию на немецкое издание романа (GS III, 61–63), в которой наряду с «Голодным годом» Пильняка и книгой Федина «Города и годы» «Цемент» был отнесен к числу «решающих произведений новой русской литературы».

35.

Бенъямин был на музыкальном спектакле «Три еврейских изюминки (вечер пародий)».

36.

Бела Иллеш (1895–1974) – венгерский писатель, участник венгерской революции 1919 г., с 1923 по 1945 г. жил в СССР, член РАПП, председатель МОРП (Международной организации революционных писателей).

37.

Директором Театра революции (Б. Никитская, д. 17, в настоящее время – Театр им. Маяковского; основан в 1922 г., в его работе первоначально принимал участие В.Э. Мейерхольд) в это время был венгерский революционер, писатель Матэ Залка (1896–1937). В 1919–1921 гг. он воевал в партизанских отрядах и Красной Армии, затем на дипломатической и административной работе.

38.

Вилис (Вильгельм Георгиевич) Кнорин (1890–1938) – латышский публицист и партийный деятель, был в это время заведующим отдела агитпропа ЦК ВКПб.